

ИССЛЕДОВАНИЯ НАЦИОНАЛИЗМА

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ВО ВРЕМЯ КРИЗИСА: СТРАТЕГИИ ОСМЫСЛЕНИЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ГОСУДАРСТВУ И НАЦИИ В РОССИИ ПОСЛЕ 2022 ГОДА

Елена Юрьевна Цумарова (tsumarova@gmail.com)

Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Цумарова Е.Ю. (2026) Национальная идентичность во время кризиса: стратегии осмысления принадлежности к государству и нации в России после 2022 года. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 29(1): 209–227.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.1.8> EDN: BIIDKA

Аннотация. Статья посвящена анализу стратегий осмысления национальной принадлежности в России после 2022 г. Теоретической основой исследования являются положения культурной социологии и повседневного национализма, в соответствии с которыми кардинальное изменение внутри- и внешнеполитической ситуации в России в 2022 г. рассматривается как трагическое событие, вызвавшее необходимость пересмотра оснований национальной идентичности. Особое внимание при этом уделяется дискурсивным практикам осмысления национальной идентичности на повседневном уровне. Используя концепции национального безразличия, изменения идентичности, а также переопределения этнических границ, формулируется модель анализа стратегий осмысления национальной принадлежности во время кризиса, которая затем используется при анализе эмпирических данных. Эмпирической основой исследования стали две волны полуструктурированных интервью с гражданами России, которые уехали из страны и продолжили в ней жить, проведенные осенью 2022 — зимой 2023 и зимой-весной 2024 г. Результаты исследования показали, что события февраля 2022 г. повлияли на восприятие национального сообщества на индивидуальном уровне и стали катализатором процесса осмысления принадлежности к России. Проведенный анализ позволил выделить следующие стратегии осмысления принадлежности: укрепление существующей национальной идентичности; национальное безразличие и отказ от национальной идентичности. Укрепление национальной идентичности и отказ от нее связываются с представлением о нации как о политическом сообществе, тогда как национальное безразличие основывается на понимании нации как сообщества неполитического, основанного на общей культуре или месте жительства.

Ключевые слова: культурная травма, национальная идентичность, изменение идентичности, повседневный национализм, национальное безразличие, Россия.

Введение

Проблематика национальной идентичности достаточно популярна в исследовательской литературе. Наряду с развитием тематики национального строительства публикуется достаточно большое количество работ, связанных с изучением повседневного национализма (Dukalskis, Lee 2020; Fox, Miller-Idriss 2008; Goode, Stroup, Gaufman 2022), влияния развития информационно-коммуникационных технологий на проявления национализма (Ahmad 2022; Mihelj, Jiménez-Martínez 2021; Yusupova, Rutland 2021), взаимосвязи политики памяти и политики идентичности (Ачкасов 2013; Малинова 2016; Olick 1998; Paasi 2020). Особое внимание в исследованиях уделяется факторам, влияющим на формирование, актуализацию или трансформацию национальной идентичности (Жирун 2019; Федотова 2017; Greene, Robertson 2022; Rumelili, Todd 2018; Todd 2018).

За последние несколько лет Россия столкнулась с рядом вызовов, актуализировавших обсуждение вопроса о том, кто такие мы? Объявленная в феврале 2022 г. В. Путиным специальная военная операция в Украине стала наиболее значимым событием, оказавшим влияние как на повседневные практики россиян (Звоновский, Ходькин 2023а; Как россияне... 2023), так и на их отношение к государству и своим соотечественникам (Sergeeva, Kamalov 2024; Татарко 2023).

В данной статье я предпринимаю попытку ответить на вопрос, как специальная военная операция повлияла на чувство принадлежности к нации и государству у россиян. Отталкиваясь от концепций культурной травмы и повседневного национализма, я анализирую индивидуальные стратегии адаптации национальной идентичности к изменяющемуся контексту в России после 2022 г. Статья состоит из трех частей. Вначале концептуализируются ключевые понятия исследования и формулируется теоретическая модель трансформации национальной идентичности в условиях кризиса. Далее описывается методология исследования. Наконец, в заключительной части статьи представляются результаты эмпирического анализа, предлагается объяснение полученных результатов и возможные варианты развития исследований в этой области.

Кризис и национальная идентичность

В исследованиях нации и национализма укоренилось представление о конструируемой природе национальной идентичности. Идентичность рассматривается, с одной стороны, как результат политики идентичности (Цумарова 2012), целенаправленной деятельности политической элиты по формированию образа «мы-сообщества» и чувства принадлежности

к нему. С другой стороны, национальная идентичность определяется как продукт повседневной деятельности (Fox, Miller-Idriss 2008; Wodak и др. 2009b), микросоциальных практик (Kaufmann 2017) «обычных» людей, воспринимающих, переосмысляющих и/или поддерживающих транслируемый «сверху» нарратив о нации, а также создающих и распространяющих собственные представления о национальном сообществе (Kaufmann 2017: 19). Такими повседневными микросоциальными практиками формирования, поддержания и воспроизводства национальной идентичности являются разговоры о нации, (не)участие в общенациональных праздниках и ритуалах, (не)использование официальной символики и пр.

При этом национальная идентичность не является раз и навсегда заданной. Напротив, она меняется под воздействием разных обстоятельств. Исследования изменений национальной идентичности показывают, что зачастую катализатором процесса трансформации чувства принадлежности становятся драматические события внутри или вовне государства (Жирун 2019; Todd 2017). Основоположники культурной социологии используют категорию культурной травмы, определяя ее как трагическое событие, которое «оставляет неизгладимые следы в... групповом сознании и коренным и необратимым образом изменяет будущую идентичность» сообщества (Александр 2012: 6). Масштабный экономический кризис или природная катастрофа, политическое убийство, теракт или вооруженный конфликт, миграция или открытие архивов, проливающих свет на темное прошлое государства, — каждое из этих событий, затрагивающих всех или большинство граждан государства, может оказать значительное влияние на представление национального сообщества о себе и вынудить переопределять границы «мы-сообщества» и его образ.

В то же время трагическое событие само по себе не является культурной травмой. Как подчеркивает Р. Айерман, культурная травма — это «длящийся дискурсивный процесс», в рамках которого «установленная коллективная идентичность расшатывается и ее основания ставятся под вопрос» (Айерман 2013: 125). Другими словами, между непосредственным событием и его репрезентацией в качестве культурной травмы всегда есть определенный временной зазор. Событие становится культурной травмой, когда ставит перед сообществом вопросы о фундаментальных основаниях идентичности: кто такие мы и что мы (теперь) знаем о себе в прошлом?

Превращение события в культурную травму Р. Айерман называет «драмой травмы», которая включает в себя заявление «группы носителей» о катастрофическом значении происходящего (Euerman 2019). Эта репрезентация травмы в публичном пространстве обозначает жертв и дает название травме, атрибутирует ответственность, а также связывает жертв

с широкой аудиторией, напрямую не затронутую воздействием трагического события (Александр 2012). Помимо дискурсивных практик осмысление трагедии в публичном поле может приобретать и некоторые институциональные формы в виде мемориалов, ритуалов, законодательных норм, призванных предотвратить повторение трагедии или закрепить доминирующую версию ее интерпретации (Рождественская 2017).

Другими словами, нарратив травмы преимущественно конструируется «сверху» и является результатом деятельности «групп носителей», которые обладают необходимыми ресурсами, включая символические, говорить от имени сообщества. При этом в публичном пространстве на разных институциональных аренах может действовать несколько альтернативных групп, предлагающих разные интерпретации происходящего. Выступая с официальными заявлениями, публикациями в средствах массовой информации или социальных сетях, эти группы борются за доминирование собственного нарратива. Наиболее успешными, как правило, оказываются те из них, кто предлагает наиболее целостную картину происходящего и формируют наиболее устойчивую связь трагического события с широкой аудиторией (Demertzis, Eyerman 2020; Eyerman 2012).

«Игры» с идентичностью: стратегии переосмысления идентичности на повседневном уровне

Как уже отмечалось, фреймирование трагического события в качестве культурной травмы происходит в процессе деятельности официальных и иных лиц, говорящих от имени всего национального сообщества. Публичные практики, безусловно, влияют на восприятие трагического события «обычными» людьми, однако на уровне индивидов действуют и другие механизмы переживания трагических событий и их последствий (Hutchinson 2005: 149–153). Переосмысление ценностей сообщества, культурная дезориентация (Sztompka 2000), размывание представлений о «своих» и «чужих» в условиях трагедии меняют повседневные практики индивидов и, как правило, вызывают неприятные эмоции, которые, в свою очередь, стимулируют когнитивную работу по переосмыслению принадлежности.

При этом переосмысление принадлежности необязательно подразумевает отказ или трансформацию национальной идентичности в том или ином виде. Напротив, как показывает П. Штомпка, трагедия может иметь позитивный потенциал, стимулируя консолидацию членов сообщества (Sztompka 2000) и создавая эффект «ралли вокруг флага» (Казун 2017; Lambert et al 2011; Greene, Robertson 2022; Sharafutdinova 2020; Sharafutdinova 2022). Другими словами, трагические события могут актуализиро-

вать существующую национальную принадлежность, подкрепляя ее чувством гордости, например, за преодоление последствий природной катастрофы или сохранение государственности в условиях множественных внешних вызовов (Obradović, Howarth 2018).

В то же время активная мобилизация граждан в поддержку нации во время конфликта может привести к обратному эффекту. Исследования повседневного национализма в Финляндии в первой половине XX в. демонстрируют, что агрессивная государственная пропаганда стимулирует национальное безразличие, желание людей дистанцироваться от национального сообщества (Kivimäki, Suodenjoki, Vahtikari 2023).

Подкрепление национальной идентичности и национальное безразличие являются возможными вариантами переопределения принадлежности и реинтерпретации публичных нарративов культурной травмы. И если в первом случае чувство принадлежности только усиливается, то во втором оно заменяется равнодушием или актуализацией иной идентичности. Т. Захра выделяет три типа национального безразличия: *национальный агностицизм* — выбор классовой, религиозной, региональной идентичности в ущерб национальной; *гибкость и изменчивость идентичности* среди «национально амбивалентного населения», которое выбирает ту или иную идентификацию в зависимости от сиюминутных выгод и издержек; *выживающий билингвизм* в межнациональных браках, стремящихся сохранить лояльность обоим национальным сообществам (Zahra 2008; Zahra 2010). Другими словами, в условиях культурной травмы люди могут отказываться определять себя в национальных терминах и выбирать иную идентичность в качестве доминирующей. Дж. Тодд, анализирувшая изменение идентичности ирландцев в Северной Ирландии и Республики Ирландия после длительного конфликта, выявила похожие стратегии: *приватизация* — выбор в качестве объекта идентификации малые группы, основанные на социальных ролях (рабочие, студенты и пр.) или месте жительства; *плюрализация* — признание множественных идентичностей в качестве равнозначных и *трансформация* — переопределение существующей идентичности в более инклюзивном смысле, расширение сообщества принадлежности (Todd 2018). Как можно заметить, приватизация у Тодд соответствует национальному агностицизму Захры, а плюрализация — выживающему билингвизму.

Наконец, еще один вариант трансформации идентичности можно встретить у А. Виммера, который описывал стратегии переопределения этнических границ, отчасти совпадающих с пониманием национального безразличия Дж. Тодд и Т. Захры (Wimmer 2008a; Wimmer 2008b). А. Виммер выделяет шесть стратегий, используемых на индивидуальном и кол-

лективном уровне: переоценка, расширение, сужение, индивидуальный или коллективный переход, размывание. *Переоценка* (transvaluation) предполагает не столько переопределение границ, сколько изменение статуса группы внутри существующей иерархии. Она предусматривает повышение престижа той или иной группы за счет изменения ее положения внутри сообщества. Стратегия *расширения* (expansion) направлена на формирование более крупного сообщества. А. Виммер пишет о процессе национального строительства как о наиболее изученном примере стратегии расширения границ. Однако мы можем говорить об использовании данной стратегии и в случае включения себя в сообщества, выходящие за пределы национального государства и основанные на принадлежности к общей культуре (например, русскоязычные, православные и пр.). Обратная стратегия — *сужение* (contraction) — предусматривает выбор сообществ меньшего масштаба (этническое, региональное, локальное) в качестве объекта идентификации. *Индивидуальный или коллективный переход* (individual crossing or collective repositioning) предполагает смену идентичности путем перехода в другую группу (индивидуальный переход) или через переопределение целой группы в иную категорию (коллективный переход)¹. Наконец, *размывание* (blurring) означает отказ от использования этнических категорий в качестве принципа социальной организации. В этом случае индивиды определяют себя через принадлежность к общечеловеческим ценностям или месту жительства. Для анализа трансформации национальной идентичности релевантными представляются стратегии сужения и размывания, которые предполагают отказ от идентификации себя с нацией, а также индивидуальный (и в случае изменения государственных границ коллективный) переход, предусматривающий возможность смены национального сообщества.

Таким образом, переосмысление принадлежности в данной статье рассматривается как процесс, обусловленный культурной травмой, которая вызвана трагическим событием и репрезентируется в публичном пространстве различными акторами (официальными лицами, публичными интеллектуалами, лидерами мнений и пр.). Осмысление трагических событий на индивидуальном уровне опосредовано транслируемыми нарративами, но предполагает их интерпретацию и трансформацию, а также связано с актуализацией и осмыслением национальной принадлежности. Отталкиваясь от приведенных выше теоретических положений, я выделила три базовые стратегии осмысления национальной идентич-

¹ Здесь А. Виммер приводит примеры переопределения евреев, итальянцев или ирландцев в Америке как белых (Wimmer 2008a).

ности в условиях кризиса: (1) укрепление уже существующей национальной идентичности, (2) национальное безразличие и (3) отказ от принадлежности к национальному сообществу путем изменения гражданства. При этом национальное безразличие может приобретать разные формы: приватизация, т.е. актуализация более узкой идентичности, трансформация — расширение сообщества принадлежности и размывание, т.е. отказ определять себя в национальных категориях.

Методология исследования

Исследование основывается на качественной методологии, которая представляется наиболее релевантной для исследования процесса трансформации идентичности. Эмпирической базой стали две волны полуструктурированных интервью с гражданами России, проведенными осенью 2022 — зимой 2023 (N=49) и зимой-весной 2024 г. (N=31). Разница в количестве информантов обусловлена тем, что первая волна включала себя две группы россиян: тех, кто уехал из России в 2022 г. (N=22), и тех, кто продолжил жить в стране (N=27). Вторая волна была полностью сфокусирована на россиянах, оставшихся в России.

Отбор информантов проводился методом «снежного кома», который является предпочтительной стратегией для исследований в кризисных ситуациях (Cohen, Arieli 2011). Кроме того, использование «снежного кома» способствует установлению базового доверия при разговоре на сензитивные темы (Wodak и др. 2009a). Значимым ограничением этого метода рекрутинга информантов является невозможность генерализации полученных выводов. Для минимизации искажений и получения более обоснованных выводов я использовала нескольких несвязанных между собой источников¹ для входа в поле (Жидкевич 2016), что позволило расширить круг респондентов и охватить разные социодемографические, региональные и этнические группы, презентующие многообразие российского общества. Так, информанты представляют различные возрастные и социальные группы: возраст варьируется от 18 до 72 лет, социальный статус — от безработного до руководителя крупной IT-компании. Выборка включает и представителей разных этнических групп (чуваши, удмурты, татары, поморы, башкиры, евреи и пр.), хотя большинство информантов идентифицируют себя как русские. Кроме того, проведение интервью преимущественно в дистанционном формате позволило охва-

¹ Информанты для входа в поле выбирались из расширенного круга моих знакомых, членов различных телеграм-чатов и случайных знакомств в публичных местах.

тить большую географию информантов: от Калининграда и Архангельска до Иркутска и Ростова-на-Дону.

Гайд интервью включал в себя несколько блоков, касающихся биографии информанта, его социальных связей и социального окружения, практик повседневного национализма и восприятия России и россиян до и во время специальной военной операции. Продолжительность интервью варьировалась от 27 минут до 2,5 часов. В среднем интервью длилось около часа. Транскрипты интервью анонимизировались и анализировались с помощью открытого кодирования и тематического анализа (Nowell et al. 2017). Как правило, информанты прямо говорили о наиболее актуальной на момент проведения интервью идентичности. Более глубокий анализ позволил проследить динамику национальной идентичности и выявить некоторые закономерности в выборе той или иной стратегии.

Стратегии осмысления национальной принадлежности в России

В исследовательской литературе на данный момент нет единого мнения относительно того, можно ли рассматривать текущий вооруженный конфликт как культурную травму, поставившую под сомнение основания национальной идентичности (Звоновский, Ходыкин 2023b; Малинова 2023; Пахалюк¹ 2023). Однако все авторы в целом поддерживают тезис о том, что СВО стала событием, так или иначе затронувшим всех россиян и актуализировавшим вопрос принадлежности к России. В собранных нарративах встречаются разные оценки происходящего, но практически в каждом из них СВО рассматривается как момент переосмысления идентичности и определения «своих» и «чужих»: *...для меня, наверное, та жизнь, которая была в России, та обстановка, которая была в России, она безвозвратно потеряна (Ж, 34, Москва-Германия, 2022)²; ...то, что сейчас происходит, для меня это немножечко, вы знаете... может быть покажется странным, как очищение. Вот как шелуха. А чтобы очиститься, надо пройти через боль (Ж, 46, Воронеж, 2024).*

Анализ способов осмысления национальной идентичности показывает взаимосвязь выбора той или иной стратегии с наличием или отсутствием у респондентов восприятия нации как политического сообщества, связанного с государством посредством института гражданства. В тех

¹ Минюст РФ внес К. Пахалюка в перечень лиц, выполняющих функции иностранного агента.

² Данные об информантах приведены в следующей последовательности: пол, возраст, место жительства, год проведения интервью. Для тех, кто уехал из России, указывается последнее место жительства в России и страна эмиграции.

случаях, когда гражданство рассматривается как значимая часть идентичности, чаще встречается стратегия **укрепления существующей идентичности**. При этом интерпретация и эмоциональная реакция на национальную идентичность различается.

Так, ряд информантов рассматривают принадлежность в терминах гражданского долга, который зачастую связывается с защитой родины: *Любой человек, обладающий гражданством... кроме прав, которые он получает в силу наличия такого гражданства, имеет некоторые обязанности. Обязанность защищать государство — это статья Конституции (М, 35, Москва, 2024).*

В то же время чувство долга формируется не только правовыми нормами, но и жизненным опытом: *...мне родина дала... прекрасное мое детство, в котором я ни в чем не нуждалась... возможности моего профессионального роста и так далее. Что я могу сделать? Я могу только своими знаниями... помогать родине. <...> поэтому я здесь, на этом месте... выполняю то, что я могу выполнять (Ж, 49, Тюмень, 2024).*

Такое понимание идентичности как правило сопровождается позитивными эмоциями: *появилось немножечко такое чувство гордости и ощущение того, что... ну, сколько можно о нас ноги вытирать? Ну сколько можно доказывать, что ты тварь дрожащая... когда государство начинает показывать свой кулак, это все же очень хорошо, как бы больно, тяжело это не было (Ж, 46, Воронеж, 2024).* Подъем чувства гордости за Россию фиксируют и опросы общественного мнения. По данным Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ, 45 % опрошенных в декабре 2023 г. отметили, что испытывают гордость за свое гражданство [Гордость и спокойная уверенность... 2023]. Результаты опроса Левада-центра¹ показывают, что у 36 % россиян за последнее время окрепла гордость за свой народ [Массовые показатели... 2024].

В других случаях актуализация национальной идентичности описывается в терминах ответственности и связанных с ней негативных эмоций: *Мне бы хотелось не чувствовать связь с Россией. Это было бы очень удобно... потому что можно было бы не нести... ответственность за то, что делается от моего имени прямо сейчас... Но это невозможно. Я все-таки ощущаю себя гражданкой с существующей ответственностью (Ж, 21, Екатеринбург, 2024); ...чувство вины... сменилось через несколько месяцев... чувством... агрессии по отношению к своему государству —*

¹ Минюст РФ внес Левада-центр в перечень организаций, выполняющих функции иностранного агента.

какое-то предательство. <...> Это было сделано без моего согласия и как будто каким-то общим непонятным решением (Ж, 36, Улан-Удэ, 2024). Несмотря на то что принадлежность к государству и нации вызывает негативные эмоции, информанты все равно подчеркивают значимость национальной идентичности в целостном образе «Я»: ...сначала жуткое ощущение стыда и желания, естественно, первые вот эти первые волны уезжающих друзей. И тоже было желание отгородиться от всего полностью, и сказать: я-то вообще то не с вами... А потом вот летом и осенью стало понятно, что то, что происходит, это целиком тоже я (Ж, 31, Иркутск, 2023).

Разница в осмыслении национальной идентичности может быть объяснена через анализ социального окружения и опыта политической социализации информантов (Попова 2002; Шестопап 2005; Kaufmann 2017). Социальное окружение оказывает влияние на практики социального взаимодействия, «воздействуя на социальный поток информации, связанной с политикой» (Карминес, Хакфельдс 1999: 241). Так, укрепление национальной идентичности, рассматриваемой в терминах гражданского долга, преимущественно характерно для информантов, близкое окружение которых связано с военной или правоохранительной службой. Тогда как ощущение национальной идентичности как ответственности за принимаемые государством решения больше воспроизводится людьми, имеющим опыт участия в некоммерческих организациях или политических партиях, акциях и пр. Как подчеркивают исследования политической социализации, факторы личной биографии (политический активизм, благотворительность, вступление в политическую партию и т.д.) оказывают значимое влияние на вторичную социализацию индивида (Малькевич 2011).

Однако актуализация национальной идентичности не всегда приводит к укреплению этой связи через чувства долга, вины или ответственности. В ряде случаев она побуждает к получению иного гражданства. Среди собранных мною интервью такая стратегия встретилась только один раз, хотя некоторые информанты заявляли о желании перейти в другое национальное сообщество¹: ...могу сказать, что если бы у меня была возможность сегодня отказаться от российского паспорта и заменить его практически на любой другой, я бы это сделала (Ж, 37, СПб-Турция, 2023); ты понимаешь, что происходит разрыв, то есть мир, реальность вокруг тебя, она разрывается с тобой, ты с ней тожерываешься. Условно

¹ Некоторые информанты предпринимали усилия по получению иного гражданства, но на момент интервью не имели никакого результата.

говоря, на уровне смыслов и идей ты уже разделился, на тот момент ты уже разделился. И поэтому физически ты хочешь покинуть это место (М, 34, Москва-Израиль, 2023). Успешный **отказ от национальной идентичности** был связан с одной этнической группой — евреями — и сопутствующим возможностям репатриации: [Россия] это некая как бы территория, которая теперь не называется Родиной. Это теперь называется страна исхода <...> сограждане — это израильтяне. Это не россияне, уже все (М, 47, СПб-Израиль, 2023).

В то же время большинство респондентов проводит четкое разграничение нации как культурного и как политического сообщества, подчеркивая свою принадлежность к стране, но не к государству. Представление о нации как о пространстве общей культуры, а не пространстве политических прав и обязанностей, обосновывается, с одной стороны, ограниченными возможностями участия в политической жизни страны и влияния на процесс принятия решений: [Россия] это страна с большим потенциалом, потому что, ну, в хорошем смысле это прослойка между Востоком и Западом. То есть это такой стык культур... [А] в плане России как, так скажем, политической структуры я не чувствую свою причастность вообще, потому что я не вижу, чтобы я что-то мог изменить (М, 28, СПб, 2023). Между тем такое разграничение связывается с нежеланием разделять ответственность за проводимую государством политику: ...как будто бы мне сейчас неважно про Россию. То есть, нет, я, конечно, россиянка, да, там всё такое, но глобально мне более интересно, что ли, более лучше развиваться [смеётся] в республике. Вот, и хотелось бы продвигать больше республику, наверное, чем вот типа быть за всю Россию, там типа ответственной. Как будто хочется немножко окулиться (Ж, 36, Улан-Удэ, 2024).

Отсутствие чувства принадлежности к политическому сообществу способствует различным вариантам **национального безразличия**. Наиболее распространенным является случай приватизации, т.е. актуализации региональной, локальной или этнической идентичности. Как правило, доминирующим объектом идентификации становится регион, причем необязательно в административных границах субъекта федерации, а также этничность малых групп: ...дом — это Республика Карелия, потому что там живет семья. Уровень выше, страна и все, что эта страна последний год делает, это стало чем-то таким чужим, с которым я себя не соотношу (Ж, 24, Карелия/Калининград-Черногория, 2023); я ощущаю себя... больше... москвичкой, потому что Москва и Россия как-то очень разные вещи (Ж, 20, Москва, 2024); ...в общем, я себя, честно говоря, ощущала русской... [до февраля 2022]. А после я подумала, а может быть,

лучше я буду просто еврейкой, и это меня спасет от вот этих всех терзаний: ах, мы, русские, во всем виноваты, ах, мы, русские, такие ужасные. И я так для себя быстренько переобулась в полете и сделала такой финт, что, о-па, а я вообще не русская (Ж, 48, Москва, 2023). Можно было бы ожидать, что обращение к этнической группе обуславливает и актуализацию региональной идентичности, однако это не всегда так. Регион является самостоятельным референтным объектом вне зависимости от этнической принадлежности информанта: *..я больше ассоциирую себя, конечно, с Сибирью* (Ж, 51, Иркутск, 2023). И наоборот, этническая идентификация не всегда связана с местом жительства: *...я, может, не осознаю всей силы вопроса там или даже слов, россияне там и так далее, нет, на данный момент — чувашка* (Ж, 27, Тюмень, 2024). Исследования повседневного национализма показывают, что локальность является важной призмой, сквозь которую люди воспринимают и интерпретируют национальное (Kaufmann 2017). В ситуации кризиса обращение к наиболее близкому и неполитическому сообществу оказывается «последним прибежищем, когда общество приходит в упадок» (Хобсбаум 2002: 345).

Другой вариант национального безразличия — трансформация — преимущественно связывается с принадлежностью к сообществу, не ограниченному рамками государства. В ряде случаев расширение пространства принадлежности происходит за счет обращения к культуре. Тогда русский язык и русская культура становятся ключевыми основаниями идентификации: *...вообще для меня важен русский язык. Я поняла, что я никогда не овладею другими языками на таком уровне, на каком я владею русским, ну, со всеми там нюансами, оттенками, что никогда он мне не будет доставлять какого-то удовольствия, общения на нем, писать на нем и вообще жить в нем* (М, 48, Москва, 2023); *...принадлежность к языку — она, пожалуй, наиболее сильная. Вот туда, к русскоговорящим, я себя однозначно отношу и мне сложно это потерять* (Ж, 33, Москва, 2024).

Наконец, в интервью была зафиксирована и стратегия размывания, предусматривающая отказ от определения себя в национальных терминах: *...я все-таки меньше принадлежу как бы своей, к этому государству по идентичности, и больше как то, ну, не знаю... Ну, не знаю, там человечеству, левым там, в целом* (Ж, 37, Москва, 2024); *...я стала думать, почему человеку нельзя быть апатридом? Я бы, если бы сейчас была такая возможность, хотя я себя чувствую патриоткой, русской, но в какой-то момент я поняла, чтобы если бы была такая возможность, я была бы апатридом* (Ж, 38, Москва, 2023). Другим вариантом размывания, встреченным в интервью, стал фактический отказ от принадлежности

к любому политическому сообществу, включая национальное: *...ты на это не обращаешь внимание и живешь дальше... я в нейтралитете, я не хочу вникать в это все. Моя позиция — просто оставаться в таком состоянии* (Ж, 27, Тюмень, 2024).

Заключение

Таким образом, проведенный анализ показывает наличие различных стратегий переосмысления национальной принадлежности. Драматические изменения внутри- и внешнеполитического контекста трансформировали чувство принадлежности к национальному сообществу и вынудили российских граждан заново отвечать на вопрос: кто такие мы? Выбираемые на индивидуальном уровне стратегии варьируются от подкрепления существующей национальной идентичности до отказа от принадлежности и перехода в иное национальное сообщество. Масштабный кризис также привел к формированию национального безразличия, которое позволяет избежать рефлексии о политической ситуации. Национальное безразличие приобретает формы актуализации региональных и этнических идентичностей или, наоборот, принадлежности к вненациональным сообществам, основанным на универсальных ценностях. Кроме того, часть информантов отказывается от принадлежности к нации как политическому сообществу, рассматривая ее как сообщество общей культуры, не связанной государственными границами.

В рамках качественной методологии, используемой в данном исследовании, сложно установить факторы, влияющие на выбор той или иной стратегии. Данные демонстрируют большую вариативность в выборе стратегий у людей, принадлежащих к разным классам, гендерам и идеологиям (Hutchinson 2005; Уолби 2002). Факт отъезда из страны, а также время проведения интервью также не приводили к доминированию определенного способа осмысления идентичности. Как представляется, значимыми оказываются практики потребления информации и глубинные установки, сформированные в рамках первичной социализации и подкрепляемые социальным окружением. Дальнейшее развитие исследования, основанное на смешанной методологии с использованием качественного сравнительного анализа (QCA), позволит установить более четкую взаимосвязь и конфигурацию факторов, обуславливающих выбор той или иной стратегии.

Процесс переосмысления принадлежности в России, очевидно, еще не закончен. Однако уже сейчас можно зафиксировать определенные тенденции, которые могут повлиять на будущее национального сообщества.

Литература / References

Айерман Р. (2013) Социальная теория и травма. *Социологическое обозрение*, 12(1): 121–138.

Eyerman R. (2013) Social theory and trauma. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological Review], 12(1): 121–138 (in Russian).

Александр Дж. (2012) Культурная травма и коллективная идентичность. *Социологический журнал*, 3: 5–40.

Alexander J. (2012) Cultural trauma and collective identity. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal], 3: 5–40 (in Russian).

Ачкасов В.А. (2013) «Политика памяти» как инструмент строительства постсоциалистических наций. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 16(4): 106–123.

Achkasov V.A. (2013) “Memory politics” as a tool of postsocialistic nation’ forming. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 16(4): 106–123 (in Russian).

Жидкевич Н.Н. (2016) Социальный портрет современного российского отходника. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 19(1): 73–89.

Zhidkevich N. (2016) Social portrait of contemporary Russian labor migration. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 19(1): 73–89 (in Russian).

Жирун И.В. (2019) Изменение, сдвиг или трансформация: анализ методологических подходов к исследованию национальной идентичности. *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, 13(3): 68–77.

Zhirun I.V. (2019) Change, shift or transformation: analysis of methodological approaches to the national identity research. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya* [Bulletin of Perm University. Political Science], 13(3): 68–77 (in Russian).

Звоновский В.Б., Ходыкин А.В. (2023а) Стратегии адаптации сторонников и противников спецоперации к жизни в ее условиях (на примере жителей Самарской области). *Социологический журнал*, 1: 8–35.

Zvonovskiy V.B., Khodykin A.V. (2023a) Adaptation strategies of opponents and supporters of the special military operation to the current situation (based on residents of Samara region). *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal], 1: 8–35 (in Russian).

Звоновский В.Б., Ходыкин А.В. (2023b) Государственное событие и личные трагедии: становится ли спецоперация коллективной травмой для россиян? *Социодиггер*, 4(1–2): 37–47.

Zvonovskiy V.B., Khodykin A.V. (2023b) A state event and personal tragedies: is special operations becoming a collective trauma for Russians? *Sociodigger*, 4(1–2): 37–47 (in Russian).

Казун А. (2017) Эффект “rally around the flag”. Как и почему растет поддержка власти во время трагедий и международных конфликтов? *Политические исследования*, 1: 136–146.

Kazun A. (2017) "Rally Around the Flag" effect. How and why support of the authorities grows during international conflicts and tragedies. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 1: 136–146 (in Russian).

Карминс Э., Хакфельдс Р. (1999) Политическое поведение: общие проблемы. *Политическая наука: новые направления*. Москва: Вече: 235–261.

Carmines E., Huckfeldt R. (1999) Political behavior: general problems. In: *A New Handbook of Political Science*. Moscow: Veche: 235–261 (in Russian).

Малинова О. (2023) Память о 90-х как ресурс адаптации к новому кризису: анализ дискурсов российских СМИ. *Полития: анализ, хроника, прогноз*, 3(110): 91–114.

Malinova O.Yu. (2023) Memory of the 1990s as resource of adaptation to new crisis: analysis of Russian media discourses. *Politeia: analiz, khronika, prognoz* [Politeia: Analysis, Chronicle, Prognosis], 3(110): 91–114 (in Russian).

Малинова О.Ю. (2016) Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам. *Полис. Политические исследования*, 6: 139–158.

Malinova O. (2016) The official historical narrative as an element of identity politics in Russia: from the 1990s to the 2010s. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 6: 139–158 (in Russian).

Малькевич А. (2011) Зарубежные концепции политической социализации. *Terra Humana*, 2: 94–97.

Malkevish A. (2011) Foreign concept of political socialization. *Terra Humana*, 2: 94–97 (in Russian).

Пахалюк К.А. (2023) Культурная травма и нормализация чрезвычайности. *Социодиггер*, 4(1-2): 3–7.

Pakhalyuk K.A. (2023) Cultural trauma and the normalization of the extraordinary. *Sociodigger*, 4(1-2): 3–7 (in Russian).

Попова О. (2002) *Политическая идентификация в условиях трансформации общества*. СПб.: Изд-во СПбГУ.

Popova O. (2002) *Political identification in the context of society' transformation*. St. Petersburg: St. Petersburg University Publishing House (in Russian).

Радаев В. (ред.) *Как россияне справляются с новым кризисом: социально-экономические практики населения* (2023). М.: Издат. дом Высшей школы экономики.

V. Radaev (ed.). *How Russians cope with the new crisis: socio-economic practices of the population* (2023). Moscow: Higher School of Economics Publishing House (in Russian).

Рождественская Е. (2017) Репрезентация культурной травмы: музеефикация холокоста. *Логос*, 27(5): 87–114.

Rozhdestvenskaya E. (2017) Representation of cultural trauma and the museification of the Holocaust. *Logos*, 27(5): 87–114 (in Russian).

Татарко А. (2023) Гражданская идентичность и ментальное здоровье россиян: роль психологических стратегий совладания в условиях санкционной политики. *Социодиггер*, 4(9): 13–21.

Tatarco A. (2023) Civil identity and mental health of Russians: the role of psychological coping strategies in the context of sanctions policy. *Sociodigger*, 4(9) (in Russian).

Уолби С. (2002) Женщина и нация. *Нации и национализм*. М.: Праксис: 308–331.

Walby S. (2002) Gender and nation. In: *Nation and Nationalism*. Moscow: Praksis: 308–331 (in Russian).

Федотова Н.Н. (2017) Динамика идентичности. *Идентичность: личность, общество, политика*. М.: Весь мир: 287–294.

Fedotova N.N. (2017) Dynamics of identity. In: *Identity: Person, Society, Politics*. Moscow: Ves mir Publ.: 287–294 (in Russian).

Хобсбаум Э. (2002) Принцип этнической принадлежности и национализм. *Нации и национализм*. М.: Праксис: 332–346.

Hobsbawm E. (2002) The principle of ethnicity and nationalism. In: *Nation and Nationalism*. Moscow: Praksis: 332–346 (in Russian).

Цумарова Е. (2012) Политика идентичности: politics или policy. *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, 2: 5–16.

Tsumarova E. (2012) Identity politics: politics or policy. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya* [Bulletin of Perm University. Political Science], 2: 5–16 (in Russian).

Шестопад Е.Б. (2005) Политическая социализация и ресоциализация в современной России. *Полития*, 4: 48–69.

Shestopal E. (2005) Political socialization and resocialization in modern Russia. *Politeia. Analiz, Khronika, Prognoz* [Politeia: Analysis, Chronicle, Prognosis], 4: 48–69 (in Russian).

Ahmad P. (2022) Digital nationalism as an emergent subfield of nationalism studies. The state of the field and key issues. *National Identities*, 24(4): 307–317.

Alexander J. C. (2002) On the Social Construction of Moral Universals: The 'Holocaust' from War Crime to Trauma Drama. *European Journal of Social Theory*, 5(1): 5–85.

Cohen N., Arieli T. (2011) Field research in conflict environments: Methodological challenges and snowball sampling. *Journal of Peace Research*, 48(4): 423–435.

Demertzis N., Eyerman R. (2020) Covid-19 as cultural trauma. *American journal of cultural sociology*, 8: 428–450.

Dukalskis A., Lee J. (2020) Everyday nationalism and authoritarian rule: A case study of North Korea. *Nationalities Papers*, 48(6): 1052–1068.

Eyerman R. (2012) Harvey Milk and the Trauma of Assassination. *Cultural Sociology*, 6(4): 399–421.

- Eyerman R. (2019) *Memory, trauma, and identity*. Springer.
- Fox J.E., Miller-Idriss C. (2008) Everyday nationhood. *Ethnicities*, 8(4): 536–563.
- Goode J.P., Stroup D.R., Kaufman E. (2022) Everyday nationalism in unsettled times: In search of normality during pandemic. *Nationalities Papers*, 50(1): 61–85.
- Greene S.A., Robertson G. (2022) Affect and autocracy: Emotions and attitudes in Russia after Crimea. *Perspectives on Politics*, 20(1): 38–52.
- Hutchinson J. (2005) *Nations as zones of conflict*. Sage.
- Kaufmann E. (2017) Complexity and nationhood. *Nation and Nationalism*, 23(1): 6–25.
- Kivimäki V., Suodenjoki S., Vahtikari T. (2023) National indifferences during everyday nationalism: Experiencing the nation in Finland in the aftermath of the Second World War. *Nations and Nationalism*, 29(3): 873–887.
- Lambert A.J., Schott J.P., Scherer L. (2011) Threat, Politics, and Attitudes: Toward a Greater Understanding of Rally-Round-the-Flag Effects. *Current Directions in Psychological Science*, 20(6): 343–348.
- Mihelj S., Jiménez-Martínez C. (2021) Digital nationalism: Understanding the role of digital media in the rise of 'new' nationalism. *Nations and Nationalism*, 27(2): 331–346.
- Obradović S., Howarth C. (2018) The power of politics: How political leaders in Serbia discursively manage identity continuity and political change to shape the future of the nation. *European Journal of Social Psychology*, 48(1): 25–35.
- Olick J.K. (1998) Introduction: memory and the nation — continuities, conflicts, and transformations. *Social Science History*, 22(4): 377–387.
- Nowell L.S., Norris J.M., White D.E., Moules N.J. (2017) Thematic Analysis: Striving to Meet the Trustworthiness Criteria. *International Journal of Qualitative Methods*, 16: 1–13.
- Paasi A. (2020) Nation, territory, memory: making state-space meaningful. In: *A research agenda for territory and territoriality*. Edward Elgar Publ.: 61–82.
- Rumelili B., Todd J. (2018) Paradoxes of identity change: Integrating macro, meso, and micro research on identity in conflict processes. *Politics*, 38(1): 3–18.
- Sergeeva I., Kamalov E. (2024) A Year and a Half in Exile: Progress and Obstacles in the Integration of Russian Migrants. *SocArXiv* [<https://osf.io/preprints/socarxiv/ckf4v>] (дата обращения: 04.02.2025).
- Sharafutdinova G (2020) *The red Mirror: Putin's leadership and Russia's insecure identity*. Oxford University Press.
- Sharafutdinova G. (2022) Public opinion formation and group identity: the politics of national identity salience in post-Crimea Russia. *Problems of Post-Communism*, 69(3): 219–231.
- Sztompka P. (2000) Cultural trauma: The other face of social change. *European journal of social theory*, 3(4): 449–466.
- Todd J. (2017) The politics of identity change and conflict: An agenda for research. *Politics*, 38(1): 84–93.

Todd J. (2018) *Identity Change after Conflict. Ethnicity, Boundaries and Belonging in the Two Irelands*. Cham: Palgrave Macmillan.

Wimmer A. (2008a) Elementary strategies of ethnic boundary making. *Ethnic and racial studies*, 31(6): 1025–1055.

Wimmer A. (2008b) The making and unmaking of ethnic boundaries: A multi-level process theory. *American Journal of Sociology*, 113(4): 970–1022.

Wodak R. et al. (2009a) Semi-Private Opinions. In: *The Discursive Construction of National Identity*. Edinburgh University Press: 146–185.

Wodak R. et al. (2009b) *The Discursive Construction of National Identity*. Edinburgh University Press.

Yusupova G., Rutland P. (2021) Introduction: Transformation of nationalism and diaspora in the digital age. *Nations and Nationalism*, 27(2): 325–330.

Zahra T. (2008) *Kidnapped Souls: National Indifference and the Battle for Children in the Bohemian Lands, 1900–1948*. Cornell University Press.

Zahra T. (2010) Imagined noncommunities: National indifference as a category of analysis. *Slavic review*, 69(1): 93–119.

Источники

Гордость и спокойная уверенность: какие эмоции у россиян вызывает их гражданство (2023) *Высшая школа экономики* [<https://www.hse.ru/news/community/881176114.html>] (дата обращения: 04.02.2025).

Массовые показатели самочувствия и страхов (2024). *Левада-Центр* [<https://www.levada.ru/2024/02/20/massovye-pokazateli-samochuvstviya-i-strahov/>] (дата обращения: 04.02.2025).

NATIONAL IDENTITY IN TIMES OF CRISIS: STRATEGIES OF UNDERSTANDING BELONGING TO THE STATE AND NATION IN RUSSIA AFTER 2022

Elena Tsumarova (tsumarova@gmail.com)

RANPA St. Petersburg, Russia

Citation: Tsumarova E. (2026) National identity in times of crisis: strategies of understanding belonging to the state and nation in Russia after 2022. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 29(1): 209–227 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.1.8> EDN: BIIDKA

Abstract. The article is focused on analysing the strategies of comprehension of national belonging in Russia after 2022. The theoretical basis of the study is the provisions of cultural sociology and everyday nationalism, according to which the cardinal change in the domestic and foreign political situation in Russia in 2022 is seen as a tragic event

that has caused the need to revise the foundations of national identity. Particular attention is paid to discursive practices of comprehending national identity at the everyday level. Using the concepts of national indifference, identity change, and the redefinition of ethnic boundaries, the article formulates a model for analysing strategies for conceptualising national belonging in times of crisis, which is then used to analyse the empirical data. The empirical basis of the study was two waves of semi-structured interviews with Russian citizens who left the country and continued to live in it, conducted in autumn 2022 — winter 2023 and winter-spring 2024. The results of the research showed that the events of February 2022 influenced the way the national community was perceived at the individual level and catalysed the process of making sense of belonging to Russia. The analysis allowed to distinguish the following strategies of comprehension of belonging: strengthening of the existing national identity; national indifference and refusal of national identity. Strengthening of national identity and rejection of it are associated with the idea of the nation as a political community, while national indifference is based on the understanding of the nation as a non-political community based on a common culture or place of residence.

Keywords: cultural trauma, national identity, identity change, everyday nationalism, national indifference, Russia.